

ЛАГЕРНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ МАНДЕЛЬШТАМА. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В. В. Мерлин

Израиль, Иерусалим
Поступила в редакцию 24.01.2025 г.
Принята к публикации 15.10.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-6

В исследовании последнего стихотворения Осипа Мандельштама, записанного в пересыльном лагере с голоса поэта, ставятся две задачи – верификация авторства и реконструкция оригинала. Стихотворение рассматривается на фоне русской поэтической традиции и в контексте позднего творчества Мандельштама. Предлагается рассматривать дошедшую до нас запись не как фрагмент несохранившегося текста, а как полный текст – однострочную эпиграмму. Ритмической и фонетический анализ текста позволяет сблизить стихотворение с опытами античного стихосложения в «Камне». Столкновение ударных слогов выводит эти стихи за пределы дольника и тактовика. Поскольку урегулирован не только размер, но и количество слогов в стихе, предлагается использовать термин «силлабометрика», которым М.Л. Гаспаров определяет раннюю стадию древнегреческого стихосложения. Античная метрика трактуется поэтом как инструмент консервации времени, и поскольку время понимается как тюрьма, лагерная эпиграмма позволяет победить время, замкнув его в рамку стиха. При этом тюремная ситуация возникает в стихах поэта раньше, чем в биографической реальности. Эпиграмма продолжает поэтику Воронежа, что служит доказательством ее подлинности. Нет необходимости, чтобы лагерное стихотворение было сочинено в лагере: устность записана в самом тексте. Последнее стихотворение Мандельштама, рассмотренное в полном контексте, позволяет сблизить поэтику Мандельштама с модернистским проектом синхронизации истории.

Ключевые слова: античная метрика, гекзаметр, Мандельштам, поэтика, устная литература

Рассматриваемый текст известен нам по записи неизвестного лица, сохранившейся в архиве Е. Э. Мандельштама. В двухтомнике 1990 года он печатается в две строки:

Черная ночь, душный барак,
Жирные вши...

(1990, т. 1, с. 440)¹.

В трехтомнике 2009 года «Черная ночь» (ЧН) отсутствует, хотя там имеется раздел «Приписываемое». Под вопросом стоит не точность записи, а подлинность самого текста. Можно ли приписать Мандельштаму

¹ Здесь и далее цитаты из собраний сочинений Мандельштама даются с указанием соответствующих изданий в круглых скобках без указания фамилии автора.

текст, который не был им записан? Но и воронежские стихи записаны с *голоса* и не без ошибок (Мец 2011, с. 233). Вопрос решается в обоих случаях одинаково: авторство текста определяется из самого текста.

Прежде всего здесь обнаруживается размер — двустопный дактиль (Д2) с мужской клаузулой. В поэзии XVIII века короткие трехсложники связаны с жанром песни (Гаспаров 2012, с. 66). Двустопный дактиль соотносится с пейзажной лирикой, но это скорее пейзажи времени, чем пространства.

Звезды небес. / Тихая ночь!; Белорумяна / Входит заря / И разгоняет /
Блеском своим / Мрачную тьму / Черныя ночи (Жуковский); Осень настала,
/ Листья падут, / Вянут цветочки, / Сохнет трава! (М. Олешев).

У самого Мандельштама Д2 встречаем в «Неаполитанской песенке»:

Правлю я с честью
Трудное дело;
Вольно и смело
Дышит рыбак.
(1993–1999, т. 3, с. 159)

и в шуточных стихах:

Спит безмятежно
Юрий Вермель.
Август. Бесснежно.
Впрочем, апрель.
(2009–2011, т. 1, с. 353)

Ближе всего к лагерным стихам перевод стихотворения М. Бартеля «Колосья», где безглагольный синтаксис сочетается с мужской клаузулой:

Зыбь ветерка.
Утра костер.
Рожь высока.
Солнце в упор.
(2009–2011, т. 1, с. 406)

Если учитывать историю размера, ЧН нужно печатать в *три* строки, но этому мешает отсутствие рифмы и нечетное число строк, не позволяющее замкнуть строфу.

Возможна и другая трактовка. Перед нами цезурованный шестистопный дактиль, то есть не что иное как гекзаметр, и тогда это *одна* строка, подобная другим «триадам» (Кондаков 2018): «Бессонница. Гомер. Тугие паруса; Россия, Лета, Лорелея; Читателя! Советчика, Врача!». Если же считать, что синтаксическое членение совпадает с метрическим, то это хориямбический триметр — усеченный гекзаметр:

Черная ночь. Душный барак. Жирные вши.
– UU – / – UU – / – UU –

Хориямб – базовая структура античного стиха, восходящая к индоевропейскому четырехсложнику (Гаспаров 2003, с. 44–50). Согласно (Kiparsky 2018), гекзаметр возник из хореической вариации ямбического триметра. С этой точки зрения ЧН – устный прототип гекзаметра, его первичная и глубинная форма.

Поэтическую декламацию характеризует *рамочная тональная конструкция* – повышение интонации на первом ударном и понижение на последнем ударном слоге (Скулачева, Костюк 2020). Хориямб – метрическая запись интонационной рамки. Левую опору выделяет тяжелый – трехморный по (Prince, Smolensky 1993) – слоговой повтор:

Черная ночь. Душный барак. Жирные вши.

Правая опора тоже отмечена закрытым, просодически долгим слогом – за исключением последнего слова стиха. Чтобы замкнуть рамку, нужно закрыть слог: жирная ВОШЬ. Параллельную форму находим в стихотворении 1931 года: «Вошь да глушь у нее, тишь да мша» (2009–2011, т. 1, с. 158), где *вошь* уподобляется субстантивам *singularia tantum* *ложь, глушь, тишь, блажь*. Рамка замыкается фонетически:

Черная но^Ч
Жирная во^Ш

Учитывая, что в поздних стихах Мандельштама фонетика акцентирована, можно предположить, что слушатель ошибочно воспроизвел порядок фраз и оригинал звучал так:

Душный барак. Черная ночь. Жирная вошь.

Рифмоид *ночь – вошь* созвучен хориямбам 1931 года: «Бал-маскарад. Век-волкодав... Шапку в рукав. Шапкой в рукав». Если замыкающее слово стоит в единственном числе, то параллель со строкой Архилоха «Весь заеден *вшами*», предложенная П. Успенским (2022), становится беспредметной. Тюремная эпиграмма имеет мало общего с площадной сатирой, но область ее принадлежности указана верно – античная метрика.

Дериваты гекзаметра Мандельштам использует как в раннем, так и в позднем творчестве (Террас 1995, с. 20, 68; Сошкин 2015, с. 64–72; Орлицкий 2024, с. 244). Сюда относятся и *острожные* стихи 1931 года (цезурованный Д5):

Душно – и все-таки до смерти хочется жить.
С нар приподнявши^{сь} на первый раздавши^й звук,
Дико и сонно *еще* озираясь вокруг,
Так вот бушлатник *шершавую* песню поет
В час, как полоской заря над острогом встает.

(2009–2011, т. 1, с. 155)

Душный барак и жирная вошь здесь уже предсказаны: лагерные стихи родились раньше лагеря. Предсказан *шершавый* звук острожной

песни. «Драматическая структура самого рассказа вытекает из тембра, а вовсе не сам тембр подыскивается для нее и напяливается на нее, как на колодку» (2009–2011, т. 2, с. 190).

Духота — сквозной мотив 1930-х годов:

После бани, после оперы. — / Все равно куда не *шло*. — / Бестолковое, последнее / Трамвайное тепло; *Дышали шуб* меха. Плечо к плечу теснилось; Из густо отработавших кино / Выходят толпы. До чего они венозны...; И всегда одышкой болен Фета *жирный карандаш* (Там же, т. 1, с. 140, 192, 163, 178).

Но одышкой болен и Воронеж:

Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож.
(Там же, с. 198)

О, этот медленный, *одышливый* простор! —
Я им пресыщен до отказа, —
И *отдышавшийся* распахнут кругозор...
(Там же, с. 219)

Духота — знак *сгущения*, родственный сжатию. Жир отложился в «Неправде» — *вошь да глушь у нее, тишь да мша* — и в Д4 того же года.

Ночь на дворе. Барская лжа:
После меня хоть потоп.
Что же потом? Хрип *горожан*
И толкотня в гардероб.

Бал-маскарад. Век-волкодав.
Так затверди *ж* назубок:
Шапку в рукав, *шапкой* в рукав —
И да хранит тебя Бог!
(Там же, с. 157)

Все нечетные строки здесь — хориямбы. В *сжатых* полустипических читаются и ночь, и барак, и тесный гроб — толкотня в гардероб.

Жир — это тоже инвариант:

Был от поленьев воздух *жирен*, Как гусеница на дворе; Что *возмужали* дождевые черви; Его толстые пальцы, как черви, *жирны*; О боже, как *жирны* и синеглазы Стрекозы смерти;... И масло *парижских* картин;... А с шеи каплет ожерелий *жир*;... в покоях бережных, безбрежных и счастливых; Ворочается счастье стержневое.

Умиряющее время ползет, как гусеница. Насытившись солнцем, нежные медуницы превращаются в жирного шмеля: «Ты скажешь: Повара на кухне / Готовят жирных голубей; И в этом солнечном развале / Уже хозяйничает шмель» («Импрессионизм»). *Жирная вошь* принадлежит той же породе литературных насекомых.

Хориямб не редкая форма в поэзии Мандельштама, и это не только форма стиха, но и форма времени. Логаэды «Камня» — последовательное расширение хориямба:

– U U – U / –
Я ненавижу свет
Однообразных звезд

U – U U – / –
Сегодня дурной день
Кузнечиков хор спит.

– U – U U – / –
Я не знаю, с каких пор
Эта песенка началась.

Все эти тексты объединяет столкновение ударных слогов в конце стиха, то есть нулевой межиктовый интервал, что выводит их за пределы дольника и тактовика. При этом стихи изосиллабичны и в проекции на ось времени – изохронны. Здесь был бы уместен термин *силлабометрика*, которым М.Л. Гаспаров определяет раннюю стадию древнегреческого стихосложения (2003, с. 44). Силлабический принцип является общим для различных национальных форм гекзаметра (Лотман 2008, р. 30).

Речь идет не о теоретических определениях, а о *звучании* стиха как его слышит сам поэт:

И подумал: зачем будить
Удлиненных звучаний рой,
В этой вечной склоке ловить
Эолийский чудесный строй?
(2009–2011, т. 1, с. 125)

«Мандельштам прибегает к гекзаметрическому стиху... прежде всего для того, чтобы растянуть время» (Бродский 1998, с. 115). Первоначальное время стиха, *χρόνος πρότος*, становится мерой календарного времени:

Есть иволги в лесах, и гласных долгота
В тонических стихах единственная мера,
Но только раз в году бывает разлита
В природе длительность, как в метрике Гомера.
(Там же, с. 75)

Удлиненное звучание создают *трудные длинноты* – тяжелые моносиллабы: время измеряется и взвешивается. И если время со-измеримо, то нет разницы между стихами 1914 и 1934 годов: «Часто пишется казнь, а читается правильно – *песнь*». *Казнь* и *песнь* – метрически *тяжелые* слоги. Если третье слово в этом ряду – *жизнь*, то *черная* ночь и *жирная* вошь параллельны строкам: «О боже, как *жирны*, как *синеглазы*. Стрекоты *смерти*, как *лазурь черна*»; *жизнь*, *смерть* и *песнь* – фонетические и семантические сгустки времени. Математический проект Мандельштама – квантификация континуума¹.

¹ Об этом – моя неопубликованная статья «Ut calculara poesis: “Стихи о неизвестном солдате”» как трансфинитное исчисление» (Летняя школа по русской литературе. 2026. №1; в печати).

Один из последних воронежских текстов — «Если б меня наши враги взяли». За исключением трех стихов здесь выдержана схема:

– UU– / – UU– / – U

И, раскачав колокол стен голый
И разбудив вражеской тьмы угол,
Я запрягу десять волов в голос
И поведу руку во тьме плугом...

(2009–2011, т. 1, с. 311)

Это тот же хориямбический триметр, но с каталектическим усечением, обозначенным как *сжатие*. Сочетанье двух ударных слогов образует двухпорную каденцию — «раскачку»: *стен голый, тьмы угол*. Стихотворение написано для голоса или написано голосом. Можно спорить о семантике метра, но нельзя отрицать того, что сказано прямым текстом. В тексте записан жест:

И, в легион братских очей *сжатый*,
Я упаду *тяжестью* всей *жатвы*,
Сжатостью всей *рвущейся* вдаль клятвы...

(Там же)

Тяжелое завершение стиха эквивалентно сильной цезуре. Между настоящим и будущим — обрыв, цезура судьбы.

Седиментом времени может быть *золотистого меда струя, тяжелые соты* или *полновесные слитки*, как в дактилических строках 1935 года:

Римских ночей полновесные слитки,
Юношу Гёте манившее лоно, —
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодонная жизнь вне закона.

(Там же, с. 204)

Полновесные слитки ночей соотносятся со строками Мандельштама «У меня остается одна забота на свете: / *Золотая забота*, как времени бремя избыть» (2009–2011, т. 1, с. 106) и «...*золотая лень* / Из тростника извлечь богатство целой ноты» (Там же, с. 75) — это метрические единицы времени. «Римские элегии» Гёте написаны элегическим дистихом: первая строка двуступишия — гекзаметр, вторая — пентаметр. Шестистопный стих рассекается на два изометрических полуступишия: непрерывная длительность вмещается в меру стиха:

– UU– UU– // – UU– UU–

ЧН можно трактовать как следующую ступень усечения: семисложный период сжимается до четырехсложного. Важно и то, что схема зеркально симметрична — так же, как асклепиадов стих, хориямбический триметр и сам хориямб: время не только сжимается, но и обращается вспять.

Эпиграмма может состоять из одной строки цезурованного гекзаметра. Фактически это усеченный элегический дистих:

Города стены / — венец его; / ныне они погибли.
(Анакреонт, пер. В.Н. Ярхо)

Словно ущелья гор / обрывистых в молодости был я.
(Архилох, пер. В.В. Вересаева)

Рим золотой, / обитель богов, / меж градами первый.
(Авсоний, пер. В.Я. Брюсова)

Лагерная тройчатка — это тоже однострочная эпиграмма — не одна из строк несохранившегося текста, а все стихотворение, состоящее из одного стиха.

В греческом гекзаметре ритмическая единица (колон) совпадает с интонационной и синтаксической. Из таких же блоков состоит ЧН. Каждый хориямб — это синтаксическое единство и рамочная тональная конструкция. При этом все ударные слоги здесь закрытые, то есть просодически долгие. Если исходить из самого текста, следует отнести его к устной, квантитативной системе стихосложения, где слово не нуждается в письме, чтобы быть текстом, и текст не нуждается в голосе, чтобы быть песней (Bakker 1997). Нет необходимости, чтобы лагерное стихотворение было сочинено в лагере: устность записана в самом тексте. Лагерная тройчатка продолжает поэтику Воронежа, и это главное доказательство ее подлинности.

В. Тюпа выделяет в стихах Мандельштама 1937 года «нераспознанный жанровый инвариант» — *эвиденцию*, характеризуя его как «интенцию самоопределения» и «архитектонику присутствия» (Тюпа 2015). Когда поэт говорит «Я в львиный ров и крепость погружен», он погружен в львиный ров силой самого высказывания: его свидетельство не подлежит проверке и опровержению. Поэт погружен в крепость еще до того, как заперт в бараке, — прикреплен к месту, из которого он говорит.

Лагерная тройчатка — формула присутствия: в пространстве (*душный барак*), во времени (*черная ночь*) и в теле (*жирная вошь*). Фактичность навязана формулой. Если мы узнаем в этой формуле гекзаметр, то это не размер эпических поэм, а та мера, которой наделены изречения оракула. Изобретателем гекзаметра считается первая пифия. Гекзаметр — маркер божественного голоса (Blankenborg 2020) — не только письмо с голоса, но и пишущий голос: конструируя свою форму, голос себя инскрибирует.

Три изречения дельфийского оракула — Γνωθί σεαυτόν «познай себя», Μηδὲν ἄγαν «ничего сверх меры» и Ἐγγύα πάρα δ' ἄτα «залог дает безумный» — образуют строку гекзаметра (Ibid., p. 134). Мера стиха познается в самом стихе. Изречения записаны как отдельные тексты, но читаются вместе — в актуальном времени чтения, так же как *Бессоница*, *Гомер*, *тугие паруса*.

В «Разговоре о Данте» «виолончельный голос Уголино <...> вызревает в коробке тюремного резонатора, — тут виолончель не на шутку

братается с тюрьмой. Il carcere — тюрьма — дополняет и акустически обуславливает речевую работу автобиографической виолончели» (2009–2011, т. 2, с. 188).

Голос виолончели воплощает муку времени: «Густота виолончельного тембра лучше всего приспособлена для передачи ожидания и мучительного нетерпения» (Там же, с. 187). Виолончель сближается с механическими часами как инструментом хронометрии и с дирижерской палочкой как осью синхронизации: «Эта неуязвимая палочка содержит в себе качественно все элементы оркестра» (Там же, с. 186).

Дирижерская палочка — острое времени, сжимающая звуки оркестра в момент совместного звучания. *Жир* — продукт удержания и сбережения. «Содержание <поэмы> есть совместное *держание* времени»; «Виолончель *задерживает* звук, как бы она ни спешила» (Там же, с. 179, 441; курсив мой. — В. М.). Поэт — держатель истории и хранитель времени: в этом состоит мессианский проект авангарда (Агамбен 2018; Probststein 2017). Тридцатые годы в поэзии Мандельштама — время экономии времени: время, достигшее полноты, становится неистощимым ресурсом.

Свои стихи О. М. всегда сопровождает хронологической пометой, даже если она неточна. Следуя этому правилу, можно датировать лагерный стих последним месяцем жизни поэта — декабрем 1938. В народном календаре это «волчьи дни», критическое время перехода, но эта конъюнктура уже выходит за пределы текста. Голос поэта «вызревает в коробке тюремного резонатора», но голос не заключен в тюрьме времени, поскольку заключает время в себе.

Список литературы

Агамбен, Дж., 2018. *Оставшееся время*. М. [Agamben, G., 2018. *Remaining time*. Moscow (in Russ.)].

Бродский, И., 1998. *Письмо Горацию*. М. [Brodsky, I., 1998. *Letter to Horace*. Moscow (in Russ.)].

Гаспаров, М. Л., 2003. *Очерк истории европейского стиха*. М. [Gasparov, M. L., 2003. *An essay on the history of European verse*. Moscow (in Russ.)].

Гаспаров, М. Л., 2012. *Метр и смысл*. М. [Gasparov, M. L., 2012. *Meter and meaning*. Moscow (in Russ.)].

Кондаков, И. В., 2018. Семантический кластер в поэтике О. Мандельштама. *Новый филологический вестник*, 4 (47), с. 16–25. [Kondakov, I. V., 2018. A Semantic Cluster in the Poetics of Osip Mandelstam. *The New Philological Bulletin*, 4 (47), pp. 16–25 (in Russ.)] EDN: YUPCBF, <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00060>.

Лотман, М. Ю., 2008. Становление античных размеров в русском стихе: аспекты когнитивной метрики. *Русский текст (19 век) и античность*. Будапешт; Тарту, с. 24–53. [Lotman, M. Yu., 2008. The Formation of Ancient meters in Russian verse: aspects of Cognitive metrics. In: *Russian text (19th century) and antiquity*. Budapest; Tartu, pp. 24–53 (in Russ.)].

Мандельштам, О., 1990. *Сочинения: в 2 т.* М. [Mandelstam, O., 1990. *Collected Works in Two Volumes*. Moscow (in Russ.)].

Мандельштам, О. Э., 1993–1999. *Собрание сочинений: в 4 т.* М. [Mandelstam, O., 1993–1999. *Collected works: in 4 volumes*. Moscow (in Russ.)].

Мандельштам, О.Э., 2009–2011. *Полное собрание сочинений в 3 т.* М. [Mandelstam, O., 2009–2011. *Complete works in 3 volumes.* Moscow (in Russ.).]

Мец, А.Г., 2011. *Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов.* СПб. [Mets, A.G., 2011. *Osip Mandelstam and His Time: Text Analysis.* St. Petersburg (in Russ.).]

Орлицкий, Ю., 2024. Роль стихотворных переводов в формировании релятивной стихотворной поэтики О. Мандельштама. *Мандельштам и его время.* М., с. 230–248. [Orlitskiy, Yu, 2024. The role of poetic translations in the formation of O. Mandelstam's relational poetic poetics. In: *Mandelstam and his time.* Moscow, pp. 230–248 (in Russ.)] EDN: AMVWMY.

Скулачева, Т.В., Костюк, А.Э., 2020. Лингвистические особенности стиха и их функции. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 19 (3), с. 155–168. [Skulacheva, T.V. and Kostyuk, A.E., 2020. Functions and Linguistic Peculiarities of Verse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19 (3), pp. 155–168 (in Russ.)] EDN: TZSSLF, <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.14>.

Сошкин, Е.П., 2015. *Гипограмматика: Книга о Мандельштаме.* М. [Soshkin, E.P., 2015. *Hypogrammatiks: The book about Mandelstam.* Moscow (in Russ.).]

Террас, В.И., 1995. Классические мотивы в поэзии Осипа Мандельштама. *Мандельштам и античность: сб. ст.* Т. 7. О.А. Лекманов (ред.). М., с. 12–32. [Terras, V.I., 1995. Classical motifs in the poetry of Osip Mandelstam. In: O.A. Lekmanov, ed. *Mandelstam and antiquity: collection of articles.* Vol. 7. Moscow, pp. 12–32 (in Russ.).]

Тюпа, В.И., 2015. Нераспознанный жанровый инвариант в лирической поэзии Мандельштама (1937). *Новый филологический вестник*, 1 (32), с. 75–81. [Tyupa, V.I., 2015. Unrecognized Genre Invariant in Lyric Poetry by O. Mandelstam. *The New Philological Bulletin*, 1 (32), pp. 75–81 (in Russ.)] EDN: TQNWPJ.

Успенский, П., 2022. Лагерные стихи Осипа Мандельштама. *Новый мир*, 10. URL: <https://nm1925.ru/articles/2022/novyy-mir-10-2022/lagernye-stikhi-osipa-mandelshstama/> (дата обращения: 01.01.2025). [Uspensky, P., 2022. Camp poems by Osip Mandelstam. *New World*, 10. Available at: <https://nm1925.ru/articles/2022/novyy-mir-10-2022/lagernye-stikhi-osipa-mandelshstama/> [Accessed 01.01.2025] (in Russ.).]

Bakker, E., 1997. *Poetry in speech: Orality and Homeric discourse.* Ithaca (New York).

Blankenborg, R., 2020. The Rhythm of the Gods' Voice. The Suggestion of Divine Presence through Prosody. In: *Arys*, 18, pp. 123–154, <https://doi.org/10.20318/arys.2020.5310>.

Kiparsky, P., 2018. Indo-European Origins of the Greek Hexameter. In: D. Gunzel and O. Hackstein, eds. *Sprache und Metrik.* Leiden; Boston, pp. 77–128.

Prince, A. and Smolensky, P., 1993. *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar.* New Brunswick.

Probststein, Ia., 2017. *The River of Time: Time-Space, History, and Language in Avant-Garde, Modernist, and Contemporary Russian and Anglo-American Poetry.* Brighton, MA.

Об авторе

Валерий Вольфович Мерлин, кандидат филологических наук, без объявленной аффилиации, Иерусалим, Израиль.

ORCID ID: 0000-0002-9327-4101

E-mail: merlinvster@gmail.com

Для цитирования:

Мерлин В.В. Лагерное стихотворение Мандельштама. Опыт реконструкции // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №1. С. 88–97. doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

MANDELSTAM'S CAMP POEM. AN ATTEMPT AT RECONSTRUCTION

Valery V. Merlin

Israel, Jerusalem

Submitted on 24.01.2025

Accepted on 15.10.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-6

The article examines Osip Mandelstam's last poem, recorded from the poet's voice in a transit camp. Two main tasks are pursued: the verification of authorship and the reconstruction of the original text. The poem is analysed against the background of the Russian poetic tradition and within the context of Mandelstam's late work. It is argued that the extant record is not a fragment of a lost text, but a complete poem – a one-line epigram. Rhythmic and phonetic analysis brings this poem close to the experiments in ancient versification found in "Stone". The collision of stressed syllables places these verses beyond the limits of dol'nik and taktovik. Since the number of syllables is equal in each line, it is suggested to use the term syllabometric, employed by Mikhail L. Gasparov to designate the earliest stage of ancient Greek versification. For Mandelstam, ancient metrics serves as an instrument for the conservation of time; and since time itself is conceived as a prison, the camp epigram overcomes time by enclosing it within the frame of verse. The prison motif appears in his poetry before it becomes a biographical reality. The epigram continues the poetics of the Voronezh period and thus brings evidence for its authenticity. It is not necessary for the camp poem to be composed in the camp: orality is inscribed in the text itself. Considered within its full context, Mandelstam's last poem allows us to relate his poetics to the modernist project of synchronisation of history.

Keywords: ancient versification, hexameter, Mandelstam, oral literature, poetics

The author

Dr Valery V. Merlin, no affiliation declared, Jerusalem, Israel.

ORCID ID: 0000-0002-9327-4101

E-mail: merlinvster@gmail.com

To cite this article:

Merlin, V.V., 2026, Mandelstam's camp poem: an attempt at reconstruction, *Slovo.ru: Baltic Accent*, Vol. 17, no. 1, pp. 88–97. doi: 10.5922/2225-5346-2026-1-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))